

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ И СЕМАНТИЗАЦИИ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. А. ШОЛОХОВА “ТИХИЙ ДОН”

© 2005 Н.В. Данилова

Тюменский государственный университет

Выбор имени новорожденному обычно сопровождается нелегкими поисками слова, в котором бы содержалось пожелание хорошего здоровья, благополучной и счастливой будущей жизни. Эта извечная проблема номинации всякий раз возникает у писателя, когда он создает в своем воображении вымышленный мир героев, раскрывая так или иначе их жизненные судьбы. Результатом работы писателя является соответствие найденного им имени персонажу произведения: если при наречении младенца трудно предвидеть будущую внешность и характер носителя имени и соотносить одно с другим, то в художественном произведении, наоборот, и внешние, и морально-этические качества носителя имени известны автору до момента наречения [5, 124-125].

Вопрос о наличии или отсутствии лексического значения у собственных имен (ИС) вообще, в том числе у антропонимов, является одним из спорных вопросов, решением которого ученые занимаются и в настоящее время. Ряд ученых не видит понятийного содержания у ИС (О. С. Ахманова, А. А. Реформатский), другие ученые (Т. Н. Кондратьева, А. А. Потенция, Л. М. Щетинин) подходят к пониманию ИС диакронически, апеллируя к их генетической нарицательности, способности иметь переносные значения, развивать экспрессивные коннотации, переходить в разряд нарицательных [4, 7].

Ономастическая семантика — это совершенно особый тип семантики, по-разному проявляющийся на уровне языка и речи. Семантика онама не равна семантике лежащего в его основе апеллиатива, она складывается из информации, которую несет ИС, из его языковых, речевых и специальных ономастических функций, стилистической и эстетической значимости. Семантика имени — фактор его известности, экстралингвистический фактор, куда входят субъективные, объективные, социально обусловленные факторы, определяющие отношение человека к рефе-

ренту и эмоции, которые последний вызывает в говорящем [11; 354, 355].

Лексическое значение ИС невозможно без понятийного компонента, но представленного, по словам Е. В. Иванцовой, в форме “редуцированного понятийного содержания”; для антропонимов в это содержание входят семы: “личность”, “пол”, “национальность”, “социально-сословная принадлежность”, “социальная оценка” [2, 4]. Примеры из антропонимикона “Тихого Дона”: *Мавра* — казачка, соседка Прокофия Мелехова — “устаревшее”, *Авдотья* — казачка, эпизодический персонаж — “устаревшее, простонародное”, *Хрисанф* — казак, ровесник Григория Мелехова — “редкое”, *Иоганн* — слесарь Ребиндер, “из обрусевших немцев” — “не русское”, *Евгений* — аристократ, помещик Листницкий — “дворянское”.

Изучение семантизации ИС в художественном тексте является центральной темой поэтической ономастики. В широком контексте литературного произведения антропоним и его субституты функционируют как “важнейший компонент семантико-стилистической системы текста, выполняя ведущую роль в создании его семантической композиции на трех уровнях: линейном (речевом), сюжетно-образном и идейно-смысловом (концептуальном)”. Процесс семантизации ИС, по мысли О. И. Фоянковой, включает в себя в том числе: 1) онимизацию имени нарицательного в художественном тексте; 2) типизацию и семантическую конденсацию ИС в тексте литературного произведения; 3) апеллиативацию ИС за пределами текста в живой речи с экспрессивно-оценочной функцией [14; 163, 164]. Наличие у поэтических антропонимов потенциальной функции обобщения подтверждается наличием в языке таких единиц, как Обломовы, Онегины, Печерины, Мелеховы. Так, есть большая вероятность того, что в фамилии, которую носят центральные персонажи романа, писателем путем перестановки слогов МЕ-ЛЕ-Х

был зашифрован апеллятив ЛЕМЕХ (“часть плуга, подрезающая пласт земли снизу и передающая его на отвал” [6, 323]). Доказательством этому может служить разговор братьев Мелеховых — Петра и Григория, после революции примкнувших к разным политическим лагерям: “— Ты гляди, как *народ разделили*, гады! *Будто с плугом проехались*: один — в одну сторону, другой — в другую, *как под лемешом*. Чертова жизнь и время страшное! ты вот — брат мне родной, а я тебя не пойму, ей-богу! Чую, что ты уходишь как-то от меня. <...> Ты, Гришатка, до се себя не нашел. — А ты нашел? — спросил Григорий. — Нашел. Я на *свою борозду* попал. С нее меня не спихнешь! Я, Гришка, шататься, как ты, не буду” [16; ч. 6, гл. II, 20].

В тексте художественного произведения внутренняя форма (мотивация) антропонима оказывается эстетически значимой и, следовательно, функционально нагруженной [Касим 1990:119]. В силу своей семантической емкости литературный антропоним — это “весьма экономичное средство непосредственной и косвенной характеристики, которая обычно раскрывается в контексте либо этимологически” [15, 163].

Чаще всего в тексте художественного произведения этимологизируются прозвища как “самый мотивированный вид антропонимии в художественном тексте с прямо или косвенно (ассоциативно) характеризующей семантикой” [13, 45]. Так, причиной возникновения прозвища *Сморчок* послужила как внешняя, так и внутренняя непривлекательность, подмеченные у шолоховского персонажа другими героями: “Подошли четверо стариков с верхнего конца хутора. Один их них, *мелкий беззубый старичонка*, по уличному прозвищу *Сморчок*, был известен тем, что всю жизнь *сутяжничал*” [16; ч. 5, гл. XXIII, 613]. Двугранный характер этого прозвища подчеркивается его семантикой: сморчок — “что высморкано; род гриба; дрянной на вид человек, малорослый, невзрачный” [1, 237].

Изображение литературного персонажа может быть тесно связано с этимологией его фамильного имени. В современном языке связь между содержанием характеристики лица и значением нарицательной основы фамилии этого лица в большинстве случаев утрачена. Только в поэтической антропонимии, где фамилия героя присваивается автором согласно сюжету и идейному содержанию произведения, наблюдается много случаев использования значения нарицательной основы фамилии как дополнительного средства характеристики героя — это так называемые “говорящие фамилии”, бывшие в моде у драматургов и писателей XVIII—XIX столетий [15, 159]. Для литературы XX в. слишком явное совпаде-

ние внутренней формы фамилии с особенностями ее носителя воспринимается как нечто нарочитое, поэтому такое совпадение, как правило, оговаривается автором: “Подьесаул *Калмыков*, маленький круглый офицер, носивший *не только в имени, но и на лице* признаки *монгольской расы*” [16; ч. 3, гл. XV, 299], “Есаул *Калмыков* сидел, обминая вислые усы, остро поблескивая горячими *монгольскими глазами*” [16; ч. 4, гл. I, 350] — Шолохов контекстным окружением подчеркивает неослабевающую со временем связь между родоначальником семьи и его потомком.

При подборе персонажам личных имен в реалистической литературе заметна заданность и традиционность: *писатель ориентируется* на традиции национального именника, на ассоциации, сформированные в сознании читателя, и, в некоторых случаях, *на исконную этимологию* того или иного *личного имени*, которую можно обнаружить в специальных церковных месяцесловах и справочниках (здесь и далее этимология имен приводится по: Петровский 1984, Православный месяцеслов 2000, Суперанская 1964, Тихонов 1995). Такая характеристика имени зачастую помогает увидеть место, отводимое писателем тому или иному персонажу в ряду других персонажей, иллюстрацией этому могут служить *личные, патронимические и образованные от календарных имен фамильные имена* некоторых героев романа “Тихий Дон”. Так, семейное прозвание *Мелеховы* было выбрано Шолоховым для центральных персонажей неслучайно: в основе фамилии трудолюбивого семейства лежит *Мелёха* — сокращенная форма христианского имени *Мелетий* (греч. “пекущийся, заботливый, хозяйственный”). Однако в сцене, когда Пантелей Прокофьевич, прикрываясь именами своих сыновей — белых командиров, ездит по хуторам и обирает семьи большевистски настроенных казаков, этимология имени Мелетий в сочетании с личным именем *Пантелей* (церковный вариант имени — *Пантелеймон* — греч. “милостивый, жалостливый”; в христианской традиции Пантелеймон — покровитель больных) приобретает сатирическую окраску: “А *Пантелей* Прокофьевич хозяйном пошел в амбар, поснимал с поветки хомуты и шлейки, понес к своей бричке. Следом за ним шла хозяйка, с лицом, залитым слезами, кричала, цепляясь за плечи: — *Батюшка! Родимый! Греха не боишься! За что сирот обижаешь?* Отдай хомуты!” [16; ч. 6, гл. IX, 73] — М. А. Шолохов использует прием несоответствия этимологии имени моральным качествам его носителя.

В начале романа даётся история появления Пантелея Прокофьевича на свет, когда его отец *Прокофий* Мелехов был вынужден защищать с оружием в руках беременную жену (*Проконий* —

церковный вариант имени Прокофий — греч. “опережающий”, “взявшийся за меч”): “*Прокофий* раскидал шестерых казаков и, вломившись в горницу, сорвал со стены *шашку*. Кружа над головой мерцающую, взвизгивающую *шашку*, *Прокофий* сбежал с крыльца. У амбара *Прокофий* настиг тяжелого в беге батарейца Люшню и сзади, с левого плеча наискось, развалил его до пояса” [16; ч. 1, гл. II, 7];

Личное имя центрального персонажа романа-эпопеи — *Григорий* (греч. “бодрствующий, бдительный”): “Будто и не было за его плечами дней *поисков правды, шатаний, переходов и тяжелой внутренней борьбы*” [16; ч. 6, гл. XXVIII, 156]; “Там, позади, всё было путано, противоречиво. Трудно нащупывалась верная тропа; Тянуло к большевикам — *шел, других вел за собой*, а потом брало раздумье, холодел сердцем” [16; ч. 5, гл. XIII, 551];

Наталья — (*Наталия* — лат. “родная”; “к рождению относящаяся, природная”): “*Наталья* кормила детей до года. *Всю жизнь вбивала в детей*, стала неряшливей к себе, все время, свободное от работы по домашности, тратила на них” [16; ч. 4, гл. V, 391]; Погибает Наталья, потому что совершает грех — убивает нерожденного ребенка: “Буду я с Григорием жить или нет, пока неизвестно, но родить от него больше не хочу. <...> — Это — *плод травить?* И поворачивается у тебя язык, *у бессовестной?*” [16; ч. 8, гл. XVI, 476];

Аксинья — (*Ксения* — церковная форма имени Аксинья — греч. “чужая”, “странница”): в хуторе Татарском Астахова поселяется после замужества, Аксинья бросает мужа и уходит вместе с Григорием в Ягодное, только болезнь мешает ей следовать во время войны за любимым, и, наконец, свою смерть она находит в дороге. В тексте: “*Пеши пойду, поползу следом за тобой*, а одна больше не останусь!”, «“*Собралась и пошла*, как будто в гости... Ничто ее не страшит, вот молодец баба!” Слово отвечая на его мысли, Аксинья сказала: — Видишь, какая я... *Везде пойду за тобой*, хоть на смерть!» [16; ч. 8, гл. XVII; 740, 742];

Дарья — на выбор из реального имени именно этого имени могла повлиять многогранность его этимологии: во-первых, *Дария* — перс. “сильная, побеждающая” — это значение реализуется в сцене расправы с Котляровым, за что впоследствии Дарья была награждена георгиевской медалью: “Весь этот день *Дарья* была общительной, веселой. Она долго вертелась перед зеркалом, всячески рассматривая медаль, раз пять переодевалась, примеряя, к какой кофточке больше всего идет полосатая *георгиевская ленточка*” [16; ч. 7, гл. XIII, 436]; Другое значение имени *Дарья* — перс. “относящаяся к Дарию”: так, героиня очень любит мужчин и часто завя-

зывает мимолётные любовные отношения. “Она (*Наталья*. — *Н. Д.*) всегда относилась к *Дарье* и ее *нечистоплотным любовным увлечениям* с чувством сожаления и брезгливости” [16; ч. 7, гл. XII, 426]. Возможно, среди мотивов выбора присутствует также фонетическое и графическое совпадение личного имени с апеллятивом *дарья* (иран. дарья “большая вода” [Суперанская 1969:43], ср. реки Амударья, Сырдарья): “*Дарья* повернула назад, проплыла сажени три, а потом на миг до половины выкинулась из *воды*, сложила над головой руки, крикнула: “*Прощайте, бабоньки!*” — и камнем пошла ко дну” [16; ч. 7, гл. XXI, 498];

В изучении антропонимического богатства “Тихого Дона” важное место занимает этимологическая интерпретация частной системы именования того или иного персонажа, яркой иллюстрацией этому является варьирование моделей именования купца *Сергея Платоновича* Мохова (*Сергей* — “римское родовое имя”): “*Сергей* Платонович Мохов издали ведет свою *родословную*. <...>. От этого-то Мохова Никишки и повелся купеческий *род* Моховых” [16; ч. 2, гл. I, 112]. В молодости сын разорившегося купца был известен не иначе как “*Сережка-шибай*” (шибай — кур, вор. “перекупщик, барышник, кулак” [1, 632]): “Похоронив парализованного отца, он со шербатого рубля повел дело. Начал *скупать* по хуторам шетину и пух... Лет пять бедствовал, *жулил* <...>, а потом как-то сразу вырос из *Сережки-шибая* в *Сергея Платоновича*, <...> и открыл мануфактурный магазин” [16; ч. 2, гл. I, 112-113]. Так *Сережка-шибай* (“потомственный спекулянт”) становится *Сергеем Платоновичем* (*Платон* — греч. “широкий”), развернувшим вскоре свое дело “широко, как трехрядную гармонь” [16; ч. 2, гл. I, 112-113].

Владимир Мохов, сын купца Мохова — (*Владимир* — слав. “владеть” и “мир” или от готск. *Вальдемар* — “знаменитый властитель”), сочетание *Владимир Сергеевич* должно создавать образ “наследника знатного и могущественного рода”: “*Владимир* Мохов, <...>, шел по мельничному двору. Ему льстил *почтительный* шепот завозчиков-казаков: — *Хозяйский наследник*... <...>. — А-а-а, *хозяин!*.. — с *насмешливым* приветом обратился к нему Валет. — Здравствуйте. — Здравствуйте, *Владимир Сергеевич!*” [16, ч. 2, гл. I, 114], но беда в том, что Владимир, по признанию его отца, откровенно глуп (“А дети? *Владимир* глуп... Да и что толку?” [16; ч. 4, гл. VII, 404]).

Имя дочери Сергея Мохова *Елизаветы* (*Елисавет* — др. евр. “почитающая Бога”) в тексте художественного произведения приобретает противоположный смысл — явное противоречие между именем и его носителем: “Так началось

моё знакомство с *Елизаветой* Моховой. Что она *испорченная девушка*, я понял с первого взгляда” [16, ч. 3, гл. XI, 254]; «“Пустая и, кажется, недалёкая девка,” – в первый раз подумал так о дочери Сергей Платонович. “Чужая она мне,” – думал он про дочь. – “И я ей чужой. Родственные чувства испытывает – поскольку нужны деньги... *Грязная девка*, имеет любовников... Боже мой!”» [16, ч. 4, гл. VII, 498];

Несколько примеров семантизации личных имён собственных второстепенных персонажей романа “Тихий Дон”:

Емельян Константинович Атепин, компаньон купца Мохова, (*Емилиан* – греч. “приятный в слове”, “льстивый”; *Константин* – лат. “постоянный”): “Из полковых писарей вылез *Емельян* Константинович в люди, отсюда же принес в семью затхлый душок *подхалимства, заискивания*” [16, ч. 2, гл. I, 117];

Вениамин (др.-евр. “сын правой руки”), лакей пана Листницкого: “жевал, вытягивал соки, а жевки выплевывал на серебряную тарелочку, которую сбоку, *на вытянутых руках*, постоянно держал молодой, из мужиков, лакей *Вениамин*” [16, ч. 2, гл. XIV, 168];

Лукерья (*Гликерия* – греч. “сладкая”), кухарка Листницкого: “Я, брат, эту *Лукерью* пристигну. Прощайся с ней, шельмой, отобью! Она – *как пирог с изюмом*. Только изюм-то повывокорянный, от того будто ряба малость. Люблю таких!” [16, ч. 2, гл. XIV, 171].

Таким образом, поэтические антропонимы романа-эпопеи М. А. Шолохова “Тихий Дон” способны воплощать авторский замысел о персонаже посредством этимологических характеристик, создавать оценочное представление о носителе имени и оказывать эмоциональное воздействие на читателя. Всякий антропоним в “семантическом фокусе” представляет собой загадку, которую необходимо раскрыть, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации ИС в сознании народа и эстетические задачи писателя” [13, 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – М., 1989-1991. – Т. 4.
2. Иванцова Е. В. Семантическая трансформация имени собственного в лексике и фразеологии

современного русского языка. Автореф. дисс...-канд. фил. наук / Е. В. Иванцова – М., 1998. – 15 с.

3. Касим Ю. Г. Цель и средства включения мотивации имени собственного в художественный текст / Ю. Г. Касим // Шоста Республіканська ономастична конференція 4-6 грудня. 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. ТІ, Одесса, 1990. – С. 119-120.

4. Катермина В. В. Личное имя собственное: национальные культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): Авторефератк. ф. н. Краснодар, 1998. – 19 с.

5. Кухаренко В. А. О системном характере антропонимии национальной художественной литературы // Шоста Республіканська ономастична конференція 4-6 грудня. 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. ТІ, Одесса, 1990. – С. 124-125.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1990. – 921 с.

7. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М., 1984. – 384 с.

8. Православный месяцеслов, церковный календарь на 10 лет: 2001-2010 гг. – М., 2000. – 192 с.

9. Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? / А. В. Суперанская. – М., 1964. – 95 с.

10. Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М., 1969. – 207 с.

11. Суперанская А. В. Теоретические проблемы ономастики. Дисс...доктора филол. наук / А. В. Суперанская. – Л., 1974. – 414 с.

12. Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / А. Н. Тихонов. – М., 1995. – 734 с.

13. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие / О. И. Фоянкова. – Л., 1990. – 104 с.

14. Фоянкова О. И. Семантизация имени собственного в художественном тексте / О. И. Фоянкова // Шоста Республіканська ономастична конференція 4-6 грудня. 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. Т.1. Одесса, 1990 а. 163-164 с.

15. Фролов Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте / Н. К. Фролов // Духовная культура Сибири. – Тюмень, 1994. – С. 157-164.

16. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х книгах / М. А. Шолохов. – Кн. 1-2. – М.: Худож. лит., 1979-1980.

Рецензент – Г. Ф. Ковалев.